

НАША СТРАНА

Год издания—50-й. Буэнос Айрес, суббота 29 августа 1998

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 29 de agosto de 1998 № 2507-2508

СЕРГЕЙ ВОЛКОВ (Москва)

О ПОЛИТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ В РОССИИ

Наблюдая, как и что говорилось в российской прессе о правительстве Кириенко, всякий понял бы, что против него объединились все те же самые силы, что минувшей осенью разгромили в правительстве команду "молодых реформаторов", уверовавших было в безграничную поддержку Ельцина. Это — во-первых, пресловутые "олигархи" (в первую очередь Березовский с Гусинским), во-вторых, коммунистическая оппозиция, в-третьих, оппозиция "истинно демократическая" (наиболее тесно связанные с Западом сторонники Явлинского). Естественным воплощением "консенсуса" между ними выступал Черномырдин, который, хотя ни одна из этих сил его полностью "своим" не считала, представлял для каждой из них (коль скоро ни одна не могла рассчитывать на собственную безраздельную власть) наиболее приемлемую фигуру. Весной же им вновь пришлось отступить, когда Ельцин, сделав крутой вираж, внезапно отставил Черномырдина и создал правительство еще более "младореформаторское".

Что же значило создание и существование правительства Кириенко? Оно означало попытку Ельцина править совершенно самостоятельно — напрямую, без оглядки на какие бы то ни было политические силы — собственно, на те силы, которые были перечислены выше и которые снова, как несколько лет назад, решили еще раз попытаться "сдать" его. "Младореформаторы" никогда не представляли собой самостоятельную политическую силу, не имея даже того, что Черномырдин имел в лице НДР. Они были орудием в руках лично Ельцина, который с их помощью уравнивал бывшую советскую номенклатуру во главе с Черномырдиным. Поэтому приговор Кириенко, который в своих СМИ летом откровенно выносили "олигархи", был фактически приговором Ельцину (во всяком случае, его потугам на независимость от них).

Поэтому события конца августа имели прежде всего политический характер: Кириенко пал не потому, что он не смог справиться с экономическими трудностями, а Черномырдин (или кто-нибудь другой — посмотрел бы я на такого!) смог бы это сделать, а потому, что надо было убрать Кириенко и поставить Черномырдина. В этом, и только в этом был смысл всего действия. Поставить же Черномырдина надо было для того, чтобы он снова стал наиболее сильным кандидатом в наследники Ельцина (шансы на что он после весенней отставки полностью утратил).

Обращает на себя внимание явная неадекватность реакции на экономические неурядицы СМИ. Истерия разжигалась совершенно определенно, информация о повышении цен далеко не соответствовала тому, что происходило в реальности, на несколько дней опережая события. Например, о

покупательской панике в Москве можно было говорить не ранее 3-4 сентября, тогда как телевидение пыталось ее изобразить уже дней на десять раньше (в 1992-1994 гг, когда рост цен и курса доллара бывали более впечатляющими, чем в этом августе, ничего подобного не наблюдалось).

Душой переворота, готовящегося в августе совершенно открыто (за неделю до отставки Кириенко Черномырдин уже всю обсуждал с коммунистами проблему формирования нового правительства), были, надо полагать, все те же Березовский (самый большой "любитель" Черномырдина) и, судя по поведению НТВ, Гусинский. За плечами же их стояла вся прежняя советская номенклатура — как из "партии власти", так и из оппозиции. И успех их означал тяжелейшее поражение Ельцина.

За все годы, что он стоит у власти, Ельцину часто предсказывали скорый конец. И всегда ошибались. Но вот теперь, пожалуй, впервые появились по крайней мере основания об этом говорить. Потому что, независимо от того, сколько он еще останется на своем посту, Ельцин впервые с 1991 года потерпел поражение. Он впервые не свободен в принятии решений, впервые принимает их из страха, впервые откровенно капитулирует. Это уже не обычные уступки, за которыми всегда следовала их отмена, это капитуляция всеерьез и надолго (видимо, на столько, сколько ему вообще еще осталось). Страх был и в 1991, и в 1993 годах, но тогда Ельцин реагировал на него диаметрально противоположным образом — он наступал.

Весенние потуги к реформам и созданию "молодежного" правительства были, видимо, последними судорогами, последней попыткой изобразить из себя независимую государственную власть. Теперь, похоже, он "сломался" окончательно, а это значит, что решение не выдвигаться на третий срок сейчас крепче, чем когда-либо ранее. Более того, даже в выборе наследника он несвободен, и теперь вынужден будет однозначно поддерживать Черномырдина, обеспечивая ему максимально большие шансы, как бы ни хотелось ему сделать еще какие-нибудь выверты в этом отношении.

Неадекватность реакции президента на поведение Думы также заслуживает внимания. Как будто (а СМИ только так и представляли) ее требования об уходе просто не оставляли Ельцину другого выхода. Дело представлялось так, что ему необходимо было назначить Черномырдина, чтобы он договорился с Думой, а тому, в свою очередь, совершенно необходимо выполнить все требования коммунистов и прочих, чтобы быть утвержденным.

Между тем, зачем собственно, Ельцину вообще было так заботиться о хороших отношениях с Думой? Отставки его она требует уже несколько лет, но добиться этого никаких реальных средств у

нее нет, и сейчас не прибавилось. Точно так же Черномырдину не обязательно так уж добиваться утверждения: он прекрасно мог бы руководить правительством, оставаясь и. о. премьером. Распустить же Думу на время кризиса было бы только удобно: не путалась бы под ногами, и власти могли бы спокойно проводить свой "стабилизационный" план, проваленный Думой. Строго говоря, и правительство Кириенко не обязательно было увольнять по той же причине. И вообще, какой смысл был отказываться от своей программы выхода из кризиса (раз уж власти так с ней носились и считали единственным спасением), которая хотя бы теоретически могла бы помочь, в пользу коммунистического правительства, которое будет действовать заведомо противоположным образом, и экономическое положение заведомо не улучшит?

А тут, стоило Зюганову в очередной (который уже) раз потребовать ельцинской отставки, как ему не только было обещано вожденное "правительство народного доверия", но послан к нему Ястржембский договариваться о каких-то "гарантиях безопасности" после отставки (причем именно к нему — лидеру компартии, а не к высшим после Ельцина должностным лицам государства!). Столь полной капитуляции Ельцина перед оппозицией еще никогда не было.

Приходится предположить одно из двух; 1) Ельцину недвусмысленно дано понять, что силовые структуры его приказов не исполняют, но исполняют в случае необходимости, приказ Черномырдина, и Ельцин предпочел (неважно, под прямым ли давлением Черномырдина, или по своей инициативе) передать власть тому, кто, по крайней мере, его не тронет; 2) Ельцин действительно резко похудшал здоровьем или, во всяком случае, понял, что будет недееспособен через два года и принял окончательное решение на третий срок не идти, а значит — ему все равно, и Черномырдин опять же самый простой и беспроблемный вариант наследника.

Коммунистов Черномырдин вместо Кириенко вполне устраивал, тем более — во главе правительства, состоящего в основном из коммунистов (как то предусматривалось договоренностями), и они даже обусловили его поддержку подписанием с Ельциным политического соглашения, дающего Черномырдину, во-первых, гарантии от его смещения Ельциным практически до 2000 года. То есть хотели не просто Черномырдина, но Черномырдина с правами Ельцина и притом несменяемого.

Но аппетит приходит во время еды, и в ночь на 31 августа (перед самым подписанием соглашения и голосованием) они заявили о полной неприемлемости Черномырдина и выдвижении собственного кандидата. Им это дало возможность предъявлять все но-

вые условия, а Черномырдину — выглядеть на фоне их натиска (подобно Ельцину на выборах 1996 года) чуть ли не "гарантом реформ" (и вот уже за него агитируют даже люди из раздавленной им с Березовским "младореформаторской" команды).

Между тем, Черномырдин всегда был оплотом и символом советчины во властных кругах, его пребывание там было верным признаком сущности режима. Но когда его назначили снова, это означало, что Ельцин перешел на качественно иную ступень возвращения к полноте советского наследия — теперь уж "без дураков". Если правительство Кириенко не делало ничего путного потому что не могло: не умело работать и висело на волоске, не имея никакой поддержки даже от того, кто его поставил, то для Черномырдина "ничего неделание", то есть консервация советчины, является самой сутью поведенческой доктрины и смыслом всей деятельности.

Второе пришествие Черномырдина означало бы, по сути дела, возврат к горбачевщине. Прозападная советчина — это именно то, что нужно, то, за что так любили Горбачева на Западе. Внутри страны — "социализм с человеческим лицом" (чтобы экономика так и оставалась неэффективной и страна никогда не достигла процветания), а внешняя политика — шеварнадзевско-козыревская. Вот, скажем, если бы все экономические министерства отдать коммунистам, а МИД — какому-нибудь Арбатову.

Но в любом случае, ситуация, при которой Черномырдин становится премьером после такой своей серьезной ссоры с коммунистами, которая уже имела место (пусть и ценой еще больших им уступок), лучше той, при которой он бы стал премьером в обстановке полного согласия с ними — как это планировалось Березовским и К°. Добившись же большего, и проведя в премьеры вместо Черномырдина кого-то еще более красного, коммунисты едва ли ухаживали бы ситуацией: их премьер президентом все равно не стал бы, а Черномырдин тогда — не стал бы точно, сохранив шанс для какой-то из менее красных фигур.

Конечно, в любом случае то, что случилось сейчас — самый тяжелый с 1991 года откат к советчине, но тенденция эта обозначалась давно, и сейчас вопрос стоит лишь о том, будет ли она переломана в 2000 году. При президенте Черномырдине она, напротив, получит дальнейшее развитие, при других (кроме, понятно, Зюганова), возможно, замедлится или даже повернет потихоньку вспять. Вот почему премьер-коммунист до новых думских выборов при живом Ельцине в перспективе едва ли хуже гарантированного президентства Черномырдина.

СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

ГЕОРГИЙ КРЫМОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУМЕРКИ

Как неоднократно указывалось на страницах „Нашей Страны“ хозяйственный кризис, вызванный тупиковостью „рыночных реформ“, длящийся уже несколько лет, продолжает разрастаться в перво-степенный политический шквал.

Пока последствия „реформ“ били по рядовым жителям России, лжеэлиты, вышедшая из кругов руководства и высшей номенклатуры КПСС, особенно не тревожилась. Подумаешь, шахтеры, врачи, учителя и военные голодают!

„Строительство капитализма требует жертв“. (Но всегда жертвы приносят не говорящие это заклинание, а его слушающие).

Что же по сути происходит?

Режим воров и бывших аппаратчиков КПСС, устроивший под видом „реформ“ в „РФ“ показуху „рынка“, в конечном счете оказался пойманым в собственных махинациях. Русский народ можно очевидно обманывать и обкрадывать до бесконечности. Но иностранные финансисты, с которыми „играли“ российские „комсомольские банкиры“ — не сломленные „бывшие советские граждане“. Иностранцы требуют денег, да не простых, а полноценных — валюты. А денег нет.

Вот и получился крах, обнаживший бутафорию российских банков, на самом деле — спекулянтских сообществ.

Поскольку показуха банков связана с показухой „правительства реформ“, то зашаталось и правительство. Угроза возникла для всей системы, выстроенной диссидентскими фракциями КПСС. Даже оппозиция в Думе испугалась: появились предупреждения, что возможный бунт доведенного до отчаяния населения сметет всех — и правительство, и Думу. И в этих опасениях есть доля истины: опросы мнения неизменно показывают, что население ненавидит думцев не меньше, чем правительство.

Оно вообще не такое наивное, это население.

Оно видит, что ненавистные ему партийные и советские руководители, вроде Черномырдина и самого Ельцина перестроились в „демократов“ и не только сохранили за собой прежнее положение, но и набрали еще больше власти.

Оно видит, что комсомольцы и блатные стали „новыми русскими“, разбогатели не трудом и предприимчивостью — а грабежом государственного имущества, и что теперь эти „бизнесмены“ выжимают миллиарды долларов из страны, уже не продажей ее наличного богатства, а за счет долгов — за счет будущих поколений граждан России.

Население пока терпит. Но уже в одном уездном городе Центральной России, где уже месяцами не выплачивали жалование военным, майор танковых войск Беляев вывел танк на площадь города, а когда власти попытались с его выступлением расправиться, то офицерские жены окружили его машину и остановили контрмеры. Жалование срочно выплатили, показав тем самым гг. офицерам, как надо действовать для получения необходимого и заслуженного. Будем надеяться, что примеру майора Беляева последуют и другие, но не в масштабах одного танка, а танкового полка или мотострелковой дивизии.

Недавно министр обороны „РФ“ Игорь Сергеев сказал, что настроение в армии „не праздничное“.

Вот политическая элита „РФ“, в том числе и плутократы, вроде миллиардера Бориса Абрамыча

Березовского, и перепугались. Березовский даже предупредил: если кризис „выйдет на улицу“, то „придут к власти неизвестные люди“. А что будет означать такой исход: во-первых, власть будет потеряна березовскими и их ставленниками; во-вторых, новые люди у власти не будут связаны с нынешним ворьем — чего доброго и к ответу потянут...

Режим судорожно пытается спастись, в процессе напоминающем 1990-1991 годы (и вероятно с тем же результатом). Возвращен бездарный, вороватый, но „солидный“ экс-премьер Черномырдин. Назначен ему в заместители „дежурный реформатор“ Борис Федоров, однородный, как Чубайсу и Ленину. Этот тип, в качестве главы налоговой службы „РФ“, по случаю недавнего начала учебного года, обратился к детям и подросткам России с довольно прозрачным призывом доносить на собственных родителей, не платящих налоги государству. Так возвращается в обиход омерзительный облик еще одного героя коммунистов — Павлика Морозова. Федоров как бы „подкрепляет“ реформаторские квалификации Черномырдина — члена ЦК КПСС с 1978 года (то есть еще с брежневских времен!).

Кстати, о коммунистах. Зюганов „со товарищи“ ручками размахивают, „по pasaran“ кричат по адресу Черномырдина и К^о. Хорошие слова о судьбе России говорят. Но постепенно продвигаются к соглашению по поводу этой кандидатуры — так как они уже раз поступили в случае с Израилем Кириенко. Будучи частью все той же советско-российской политической элиты, из КПСС/ВЛКСМ вышедшей, они найдут общий язык с бывшим кандидатом в члены Политбюро Ельциным и с товарищем Зюганова по ЦК КПСС Черномырдиным. Ведь все они в одной лодке сидят...

Сможет ли этот „политический класс“ справиться с кризисом, им же самим созданным? В этом вопросе заключается и ответ. Кризис вызван теми, кто его теперь пытается потушить. Также было и при Горбачеве. Эти люди просто не могут допустить, что именно они являются частью той исторической проблемы, которую они пытаются разрешить. Такое понимание выходит за рамки им доступных вариантов, потому что за этим признанием скрывается логическое решение: самоустранение нынешней „политической элиты РФ“ от власти. А такой исход неприемлем; здесь смыкают ряды такие противоположности как Жириновский и Зюганов. Именно на базе сохранения за собой власти эти негодяи и находят общий язык компромисса и сожительств.

Ибо уже с 1917 года в России политическая власть стала не средством, а самоцелью. За власть цепляются, к ней стремятся любыми средствами. Власть — это приятная щекотка нервов для нравственных пигмеев. Они понимают свою власть не как долг или служение, а как возможность „на сале спать и салом укрываться“ по словам незабываемого гоголевского кузнеца Вакулы. Власть твоя — и за ручку можешь поддержать великолепного Клинтона. Власть твоя, и на лимузине покатаешься, а питание твое будет с особых усадеб. Власть твоя, и все секретарши „РФ“ — тоже твои.

А обеспечить шахтеров или пенсионеров причитающимися им деньгами?

Неужели власть сопровожда-

ется обязанностями?

В политических сумерках нынешней российской власти, в жалких спорах о сохранении депутатских квартир и привилегий все откровеннее обнажаются основы менталитета советской элиты, пытающейся вот уже семь лет отсрочить свое падение.

Ибо крушение политического и парткратического строя СССР, происшедшее в 1991 году неизбежно должно иметь и социальные последствия. Ведь советский строй был тотальным: политика, хозяйство, культура, общество — повязанные компартией.

Партия рухнула, а с ней и СССР — его политика, хозяйство, культура. Но советский общественный строй, специфически — советская элита — пытается выжить в новых условиях, частично адаптируя эти условия под себя (в общем — неудачно) или притворяясь под новые условия (так первый секретарь свердловского обкома КПСС Ельцин стал „демократом“) и тоже неудачно (например, от Черномырдина так и несет духом брежневского застоя — „делаем вид, что управляем“).

Но тот же напор реальности, который сокрушил в конечном счете власть КПСС, разрушает и ее социальные реликты. Политическая элита „Российской Федерации“, вышедшая из элиты советской, партийной, не справляется со свежим ветром реальности и будет сметена им; хотя в попытках собственного спасения эта шайка проходимцев уже нанесла огромный вред России, и может буквально ее погубить.

Насколько наугад политический класс „РФ“ можно судить по тому, что уже стало известным не на уровне слухов, о повышении боевой готовности Таманской и Кантемировской дивизий бригады в Теплом Стане под Москвой, Тульской, Рязанской и Тверской парашютных дивизий, а также дивизий войск МВД, имени некоего Дзержинского. Предполагается, что эти войска будут действовать в защиту режима в случае беспорядков. Симптоматично и то, что министр обороны Сергеев заверил Ельцина в верности войск. Такие телодвижения и заверения обычно симптомы не успокоения и не лояльности, а растущей дестабилизации. Разнообразные эксперты, как в России, так и за ее пределами, считают, что военные настолько деморализованы и вне политики, что с их стороны переворот невозможен. Мне кажется, что такое мнение вытекает из глупого невежества о сути и динамике военных переворотов, в большой мере обусловленного политической мифологией современного „демократизма“ пропагандирующей ряд ложных представлений о политических процессах; построения „экспертов“, основанные на этих ложных представлениях, в свою очередь ложны — нам это хорошо известно по тезисам советских экспертов о „загнивании Запада“, построенных на ложных представлениях марксизма.

Запад, кстати, поставлен в политически неловкое положение крахом постсоветского воровского режима „РФ“. С одной стороны, очевидно, что ельцинизм себя исчерпал, что он „не жилец“, что он даже стал временно дорогостоящим (хотя в балансе, если учесть геополитическую пользу, которую Запад извлек из ельцинского режима, то нынешние денежные убытки — баснословно выгодная расплата за полученные преимущества). С другой — так и не уда-

лось развить приемлемую альтернативу наследования ельцинизма. Дни Черномырдина — считаны, как до него Кириенки, как и самого босса. Чубайс и Немцов — вышли в тираж. Зюганов — интеллектуальная и политическая горилла, в общем — Черномырдин с партбилетом. Возлагаются некоторые надежды на Лебеда, в качестве диктатора, выполняющего „ценные указания“ прозападных советников. Очень привлекает его сравнительная молодость (лет 25 может править) и явная популярность. Но Лебеда также считают непредсказуемым и тайным антисемитом, поэтому его шарм не так уж безусловен. Конечно, как говорят, теперь и Горбачев в более интимных обстоятельствах ругает евреев... Таким образом, у Запада, глупо поставившего все ставки на Ельцина и его молодцов теперь нет действительно приемлемой альтернативы для роли российского квислинга. Коммунистов у власти в России Запад не боится — прекрасно понимает, что Ельцин и Черномырдин по своим личным качествам остаются коммунистами, хоть и без партбилетов; вся разница между ними и Зюгановым в том, что последний свой партбилет не выбросил. В отношении же настоящего восстановления России, коммунисты будут так же эффективны, как и „демократы“, то есть — никак.

Запад больше всего боится прихода к власти „русских националистов“, причем в этой категории помещены не фашисты Баркашова, а те, кто исповедует самый обычный русский (не советский) патриотизм, позволительный для других народов, но строго запрещенный для русского.

А как Запад относится к русскому народу и его нуждам можно судить по следующему характерному факту. Когда Клинтон в начале сентября был в Москве на „встрече на вершине“, он не нашел даже нескольких минут, чтобы встретиться с шахтерами, требующими выплаты украденной у них зарплаты. А вот для выступления перед молодежком лжеэлиты „РФ“ у него время нашлось...

Трудно сейчас определить, чем являются нынешние политические сумерки „Российской Федерации“ — вечерними, перед окончательной ночью гибели русской государственности и культуры, когда исчезнут все объективные возможности ее даже относительного возрождения; или это — предрассветные сумерки, после которых засияет солнце нового дня России? Хочется думать, что последнее более вероятно. Несмотря на страшный урон и упадок, духовные и державные ресурсы русского народа неизведаны — и если даже несколько тысяч офицеров „алексеевской организации“ могли к 1919 г. вырасти в грозную военную силу, чуть было не изменившую ход всей мировой истории, то и сегодня даже один человек, или несколько сот, или несколько тысяч, с верой и верностью могут освободить Россию от остатков партийного рабства.

Будем надеяться, что по милости Божией эти несколько тысяч „последних граждан России“ найдутся. Будем думать, что даже в армии России, которую сильные мира сего уже давно сбросили с политических счетов, найдутся сотни или тысячи майоров Беляевых — и офицерских жен, вышедших ему на помощь — чтобы спасти Отечество от конечного унижения и гибели.

ГЕОРГИЙ КРЫМОВ

ПЕЧАТЬ

НЕДООЦЕНКА ГУМИЛЕВА

В „Литературной России“ № 25 от с. г., в статье „Дом Поэтов и его окрестности“, Г. Иванов, рассуждая о Гумилеве, пишет: „Он был своим талантом ориентирован именно на южную экзотику. Когда попробовал писать о северных странах, о Швеции, Норвегии, — вдохновение не окрыляло его. Писал просто как мастер. И только“.

Даже если смотреть так на лирические стихи Гумилева об этих странах (что нам кажется вовсе несправедливым!), никак уж нельзя отнести такую оценку к пьесе „Гондла“, одной из жемчужин его творчества, где действие происходит в Исландии, а герои — скандинавы и ирландцы.

ПРИЗРАК КОММУНИЗМА

С некоторым даже удивлением, — и с глубоким отвращением! — читаем все в том же номере статью М. Искрина по поводу 150-летия „Коммунистического манифеста“, исполненную восхищением творчеством Карлы-Марлы со Энгельсом его! „Лаконичный, хватающий за сердце, сжатый стиль“..., „художественное целое“..., „бесподобная поэтическая фантазия“...

Так писали самые подлые борзописцы эпохи Ленина-Сталина, — но в наши дни, после падения большевизма, подобная словесность выглядит смешно... хотя отчасти и жутко. Какая тема царит в головах у людей, продолжающих глаголать прежним деревянным языком и восхвалять преступников, в чьи могилы надо бы забить осиновые колы, как делалось с вампирами!

В БИБЛИОТЕКАХ РОССИИ

„Санкт-Петербургские Ведомости“ № 94 от с. г., сообщают следующие любопытные данные.

Число клиентов русских библиотек неуклонно растет, в том числе и за счет молодежи (хотя менее всего представлена возрастная категория от 25 до 35 лет).

В числе причин указываются следующие соображения: наличие безработных, располагающих свободным временем; трудность для учащихся находить нужные книги, кроме как в библиотеках; дороговизна газет и журналов, которые предпочитают просматривать в библиотеках.

Во всяком случае, нужно отвергнуть миф о том, будто в России вообще больше ничего не читают.

Относительно же предпочитаемых авторов, они распределяются так: „англоязычный детективщик Дж. Чейз; В. Пикуль и почти рядом с ним Агата Кристи и неувыдаемый Александр Дюма... на пятом месте... сложнейший Достоевский. И Лев Толстой рядом с ним“.

Заметим, что нам кажутся странными успехи безвкусного и пошлого Чейза (столько есть более талантливых детективных

писателей!) и еще более того во все уж бездарного (и часто лживого) Пикуля. Популярность же даровитой (хотя и соскальзывающей в штампованный профессионализм) Кристи и тем более подлинно большого писателя как Дюма являются вполне естественными. А что до Достоевского, то он, если и сложен, то ведь ярко увлекателен; так что уж совсем не диво если им увлекаются. И это очень хорошо, так как его влияние может быть весьма положительным.

Совсем непонятно, почему „Санкт-Петербургские Ведомости“ восклицают: „Представьте, Достоевский популярнее Сименона!“

Иначе и быть не может. А Сименон вообще никак не крупная величина, хотя и сильно раздутая.

ГОРЬКАЯ СУДЬБИНА

Со щемящей болью сердца читаем, — в журнале „На Казачьем Посту“ и в газете „Станица“, — о страшной участи наших бывших братьев по оружию, казаков сражавшихся во Вторую Мировую войну против большевизма и имевших несчастье попасть в лапы ко врагу. Советские концлагеря, мучения, унижения, издевательства... А сколько было прямо расстреляно...

Пожелаем выжившим, наперекор испытанным ужасам, как С. Кодову и А. Богданову всякого счастья и помянем с почтением погибших, как В. Карпова.

Судьба некоторых была, помимо прочего, полнейшим беззаконием, как в случае генерала Л. Васильева, старого эмигранта, выданного американцами Советам и замученного в концлагере. Но свободный мир, скрупулезно уважал букву закона для других, презрительно отворачивался, когда дело касалось русских; для нас их законы писаны не были...

По преступным, сатанинским ялтинским договорам демократического Запада с большевиками, мы все, вторая эмиграция, подлежали насильственной репатриации; и если сумели ее избежать, — то хитростями и в обход правил. А угроза ее над нами висела до последних дней: еще накануне перестройки начали даже выдавать балтийцев и западных белоруссов, которых раньше не трогали.

„Станица“ и „На Казачьем Посту“ своими рассказами позволяют нам заглянуть в ад, которого мы, Божьей милостью, не испытали на себе.

ПО СЛЕДАМ СТАРЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Другое, не менее кошмарное, о чем говорит „Станица“, но принадлежашее к более далекому прошлому, это советские зверства времен революции, касавшиеся казаков (но кого, какого народа, какого слоя населения в СССР они не коснулись!).

Описывая их, в № 1 от с. г., В. Карпов (не тот, о трагической жизни и смерти которого рассказывается в этом же номере, а другой), комментирует: „Фамилии же негодяев, что уничтожали офицеров, а потом и рядовых казаков я пока не скажу. Уж очень силен в местных наших газетах пороссячий

визг их потомков: „Не ройтесь в прошлом! Не суди, да не судим будешь! Хватит охоты на ведьм! Если в прошлое стрельнешь из ружья, то оно тебе ответит из пушки“. Ну и так далее. Однако, не зная прошлого, нечего делать в настоящем, и будущего не построишь; что создашь будет удивительно похоже на подлое прошлое, которое нас призывают не знать. Что касается фамилий местных большевицких мясников, то откройте хвастливые книжки, где описывается тот период, — они там прописаны во всей красе“.

УЦЕЛЕВШИЙ КРАСНОВ

„На Казачьем Посту“ № 2-3 с. г. сообщает: „В столице Чили, Сантьяго, проживает генерал-майор чилийской армии, — Михаил Семенович Краснов, родной сын генерал-майора Семена Николаевича Краснова, племянника генерала от кавалерии П. Н. Краснова. М. С. Краснов возглавляет контр-разведку чилийской армии и является одним из самых близких друзей генерала Аугусто Пиночета“.

АСТРАХАНСКИЕ КАЛМЫКИ

В том же номере, в статье „Калмыки в астраханском казачьем войске“, О. Антропов приводит сведения об участии калмыков в Гражданской войне, хотя и не полные, но интересные, как и все касающееся судеб героического маленького народа столь смело и с такими тяжелыми для себя последствиями сопротивлявшегося установлению на нашей родине советской власти.

НЕОЖИДАННЫЙ ВОЛЬТ

До сих пор в ирландском вопросе, „Русская Мысль“ неукоснительно поддерживала, решительно и твердо, оранжистов, ольстерских протестантов. Поэтому неожиданно, — и приятно! — прочесть в номере от 16 июля с. г., в рубрике „Мир за неделю“, подписанной прозрачными инициалами И. А., нижеследующие слова:

„Кричат, конечно, провозглашая свою праведность и защиту „истинной веры“ те, кто, — например, в Ирландии, с таким трудом обретающей мир, — поджигают дом, где спят люди враждебной фракции, среди них и малолетние дети. Их, оказывается, — так считают поджигатели, в данном случае „юнионисты“, страстные приверженцы единства Ирландии и Англии и величия давно уже не существующей империи, — можно сжечь живыми, объяснив это тем, что они „неправильно верят““.

Мы-то полагаем, что мира и спокойствия в Ирландии не будет, пока она не станет единым государством: ее природные границы очерчены окружающим ее морем.

ХУЛИТЕЛЬ РОССИИ

Некий парижский советолог, профессор Д. Бовуа, в припадке украинофильства, состряпал очередной грязный памфлет против России. Прочитываем:

„Неужели же наши государственные деятели ...забыли, что золото „русских займов“ было ничем иным, как весьма подозрительной поддержкой со стороны французской республики наиболее ненавистного, ретроградного, ксенофобского и антисемитского самодержавия в Европе?“

Дивиться этим пакостям нечего: благоглупости анекдотических „французики из Бордо“, любителей развесистой клюквы, — ничего не имеющих общего со многими честными писателями, учеными и публицистами Франции, благожелательными России, — нам всем давно набили оскомину.

Но когда „Русская Мысль“ с восторгом о книжках сего ненавистника нашей родины говорит (статья И. Торбакова „Драматический треугольник Польша-Украина-Россия глазами французского ученого“, в том же номере газеты), как это иначе охарактеризовать если не как национальную измену?

Торбаков заканчивает свой опус словами: „Хотелось бы только пожелать, чтобы труды Даниэля Бовуа увидели свет и на русском языке“.

Пожалуй, — следуя принципу, что: „Врага надо знать“. Впрочем, нового тут нет, и таких как этот клеветник, злобно пинающий старую Россию (которая ведь, мимоходом будь сказано, спасла Францию от поражения Германией в Первую Мировую войну, принесла для того тяжелые жертвы), мы повидали немало, — в том числе более способных и культурных, чем он.

НЕОСВЕДОМЛЕННЫЙ КРИТИЦИЗМ

Там же, в статье „Блюмки в топках“, П. Нерлер высмеивает русских эмигрантов, ревниво сохранявших в изгнании русский язык: „Ни за какие коврижки не согласны они произнести ни единого слова на языке страны проживания, кроме „гутентаг“ и „аревуар“. Таких, наверно, было побольше в первой эмиграции, среди тех, кто мог позволить это себе просто как роскошь“.

Тут он попадает пальцем в небо! Культурная, тем более материально обеспеченная часть первой волны как правило свободно владела несколькими иностранными языками; и уж французским-то — в первую очередь! Даже менее элитарная ее часть, заурядные офицеры и чиновники, обычно в какой-то мере французский знали, по обучению в гимназии или кадетском корпусе.

Жить не зная языка являлось уделом очень немногих, как выдуманная или реальная нянька эмигрантского фольклора, знавшая по-французски только формулу „ру Дару“ (то есть название главного православного храма в Париже). А рядовые солдаты или казаки (составлявшие меньшинство) обычно быстро научивались, волей неволей, болтать по-французски на заводе, в мастерской или в порту, где им приходилось работать.

Владимир Рудинский

"НОВЫЙ ЖУРНАЛ" № 210

В результате эволюции последних лет, журнал стал, почти исключительно, органом новейшей эмиграции, третьей волны; что придает ему специфический (не всегда симпатичный) характер. Притом, речь идет главным образом о новейших эмигрантах, обосновавшихся в США; что опять-таки ведет к сужению идеологических и политических воззрений.

Отметим еще, что когда приходится упоминать о нашей, второй волне, неизменно всплывает формула: „угнанный на работу в Германии“. Навряд ли она не фальшивая; люди, — и в особенности интеллигенция, — пользовались всеми возможностями выехать из СССР и не оказаться снова в руках большевиков. Их принуждать было не надо: хорошо, что немцы им не мешали.

В литературной части данного номера, выделяется недурной расказ В. Кресса „Идол“, из быта сибирских туземцев (автор заботливо не уточняет, каких именно; гольдов?), очень похожий на романы и рассказы Тана („Союз молодых“, „Жертвы дракона“, „8 племен“ и т. д.).

Позволим себе только заметить, что начало (повествование о мелком уголовнике царских времен, случайно поджигающем тайгу и нелепо гибнущем, свалившись в реку) абсолютно не идет к делу, является, — выражаясь на аглицкий манер, — **иррелевантным**, и расказ выиграл бы без него. Да и заключение (об обнаружении идолов в советские уже годы), тоже, собственно говоря, совсем не нужно. Лучше бы расказ расширить без них.

Расказы Я. Скорикова и Ю. Дружниковы (клип и не рассказы, а как выражались в эпоху Гоголя и Даля „физиологические очерки“) рисуют безрадостные нравы подсоветских людей, с раннего детства напичкиваемых большевизмом. Выделим однако „Нефедов и Нефедова“, с драматическим изображением борьбы между блатными и красноармейцами в условиях эвакуации в глухую провинцию, где-то на Урале.

Доклад А. Скалдина „Идея нации“, представленный в 1910 году „Религиозно-Философскому Обществу“ в Петербурге (и тем отвергнутый), кое в чем сомнительный, привлекает внимание выраженной в нем глубокой и верной мыслью (в самом начале): „Православие, самодержавие, народность — вот три кита, на которые встала Русская Земля еще во времена татарщины, и на которых стоит она до сего времени. Ими скреплено государственное единство России, благодаря им она еще не

раскололась по всем швам“.

Эссе Ю. Фельштинского „Тайна смерти Ленина“ вряд ли имеет серьезные основания. Смерть вообще выдающихся людей, и уж в особенности крупных тиранов, постоянно вызывает подозрения. Словно бы они были по природе бессмертными!

Хотя еще Державин обращался ведь к земным царям (притом, перелагая лишь библейский псалом!) с предостережением:

„Вы так же смертны, как и мы“.

Ленин по всей видимости умер своей смертью, — то ли от застарелого сифилиса, то ли от тяжелого наследственного недуга.

То, что его смерть была выгодна Сталину, — никак не доказывает, что сей последний являлся в ней виновен. У Иосифа Виссарионовича и без того довольно на совести преступлений; зачем ему приписывать лишние?

Небольшой очерк И. Дюшена „Москва, 1941-43, Детгиз“ содержит интересные упоминания об его встречах с Эренбургом и с Цветаевой.

В отделе библиографии, заслуживает внимания рецензия А. Либермана на „Статьи о русской поэзии“ Д. С. Мирского, опубликованные в 1997 году в США (Compiled and edited by G. K. Perkins and G. S. Smith, Oakland, California, Berkeley Slavic Specialities):

„Среди самоубийц, вернувшихся в 30-е годы в СССР, был князь Д. С. Святополк-Мирский (1890-1939)... Детали превращения Мирского из князя в коммуниста не вполне ясны... Мирский не оставил никакого следа в истории русской и европейской мысли: его книги и предисловия компилятивны, и его заслуги — это заслуги способного рецензента. Работы же, написанные после 1930 года, более всего любопытны как свидетельство сдачи и гибели русского интеллигента, причем сдался он без принуждения извне... Работы эти ужасны. Произведения литературы анализируются в свете цитатника „Классики марксизма-ленинизма о литературе“ и последних высказываний вождей (главным образом Сталина и с большой осторожностью — Бухарина и Луначарского)... Мирский презирает Пушкина за „сервильизм“ (любимое слово) и готовность служить монархии (действительно, как можно склонять голову перед тираном!)...“ Ссылаясь на Белинского, Либерман резюмирует: „Когда человек весь отдается лжи, его оставляют ум и талант“.

Владимир Рудинский

Языковые уродства

СТАРОЕ И НОВОЕ

Прочел в романе В. Белова „Час шестой“, в „Нашем Современнике“, фразы:

„Затем Корольков представил въяве эпизоды польской фильмы „Любовь моряка“. Эту фильму артиллерист видел вчера на Арбате...“ И так и повтел на меня далеко-м ранним детством!

Именно так говорили тогда все, — в семье, среди знакомых, в школе, где я учился.

Потом, — не знаю точно когда, — эту форму вытеснила другая: фильм, менее, как факт, благозвучная и более трудная для произношения.

Но вот напрасно Белов тут же пишет „в адрес“ (от имени одного из персонажей): этот мерзкий оборотец, — вместо правильных „на адрес“ и „по адресу“, — возник только после Второй Мировой (если когда раньше и появлялся вообще, то эпизодически и изредка).

К. Чуковский писал в своей книге „Живой как жизнь“, изданной в 1966 году: „Вдруг неожиданно-негаданно не только в устную, разговорную, но и в письменную, книжную речь вторглось новое словосочетание в адрес и в очень короткое время вытеснило прежнюю форму по адресу. Мне с непривычки было странно слышать: „она сказала какую-то колкость в мой адрес“, „раздались рукоплескания в его адрес“. С изумлением я услышал на днях как некая студентка (из очень культурной семьи) сказала между прочим, в разговоре:

Нюра так смеялась в адрес Кольки.“

И далее:

„И нелегко мне было бы почувствовать расположение к тому человеку — будь он врач, инженер, литератор, учитель, студент — который скажет при мне: — Он смеялся в мой адрес“.

У Белова действие происходит в 1932 году. Тогда подобное „словосочетание“ было решительно невозможно!

Но соблюдать в языке дух эпохи, хотя бы и недавней, есть вообще очень трудное дело, даже и для самого талантливого писателя.

МУЖСКОЙ ИЛИ ЖЕНСКИЙ РОД?

Вопрос о грамматическом роде в отношении женщин, занимающих должности или практикующих профессии традиционно являвшиеся уделом мужчин, возникает сейчас, в разных странах и становится все более актуальным.

Из статьи М. Фюмароли в газете „Монд“ от 31 июля с. г., узнаем, что французское правительство урегуливается по крайней мере в области административных бумаг или устных обращений.

Так, например, вводится форма *madame la députée* (а не *madame le député*), то есть, примерно, **госпожа депутатка**, вместо **госпожа депутат**.

Как констатирует автор статьи, список предлагаемых названий слишком пока краток и недостаточно последователен. В нем нет слов как *maïresse* и *ministresse*, — соответствия „мэра“ и „министра“, а также и многих других, возможных и даже желательных.

С любопытством ожидаем дальнейших результатов. Тем более, что такие перемены являлись бы, во многих случаях, осуществимыми и в русском языке.

Аркадий Рахманов

**ПОЛСТОЛЕТИЯ
ВЕРЫ И ВЕРНОСТИ**

Приближается особенно знаменательный юбилей в идейной жизни русского зарубежья — газете „Наша Страна“ исполняется 50 лет.

Пол столетия (и какого!) газета стоит в строю борьбы за вечные идеалы Исторической России. Каждый год ее жизни — год самоотверженного подвига. Подвига веры и верности.

Подвига веры в Россию, в ее великую и славную судьбу, в ее возрождение.

Подвига верности Белой Идее, идее святителя Гермогена, гражданина Минина, князя Пожарского и белого воинства нашего века. Верности Русской Державе.

Знаменательный юбилей должен быть по достоинству отмечен самым подходящим способом: выпуском специального, объемного, на лучшей бумаге, с иллюстрациями, юбилейного номера газеты.

Для этой цели, кто может откликнуться с особенной „юбилейной“ жертвенностью на денежные нужды газеты? В период обострения политического кризиса в России наш голос особенно необходим, особенно важен. Помянем жертвенность нижегородцев в Первое Смутное Время и не посрамим славных предков наших в нынешнее, Второе!

Владимир Белаяев

РОЗЫСКИ

Родственники казака Кондрата Лукича Бардижа, 1868 года рождения в станице Борюховской, члена Государственной Думы, просят Анатолия Константиновича Бардижа с семьей, проживающих в Аргентине, сообщить их адрес редакции „НашейСтраны“.

Готовится к печати и будет рассылаться из Соединенных Штатов очередной номер издающегося в Санкт Петербурге журнала Русской Зарубежной Церкви

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Кроме того, на складе имеются предыдущие выпуски, за исключением № 1. Представительницей журнала в Зарубежье является Галина Сергеевна Туник-Роснянская. Ее адрес: Galina Tunik-Rosniansky, 5053 Loughboro Road, N. W. Washington, D. C. 20016-2615, U.S.A.

Михаил Блинов (Москва)

ПОДТАСОВКА

Институт военной истории Министерства Обороны „РФ“, Федеральная Служба Безопасности и Служба Внешней Разведки издали первые две книги — „Исход“ и „На чужбине“ — из серии Русская военная эмиграция 20-х-40-х годов, где приводятся документы из Центрального Архива ФСБ и СВР. Что же побудило затронуть эту тему правопреемников ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ, те самые службы, которые были ударными отрядами большевиков, чинили зверства по отношению к белым офицерам и всем защитникам своей родины от большевицкой заразы, стравливали белоэмигрантские организации между собой, отравили Врангеля, похитили Кутепова и Миллера? Что их заставило обнаруживать свои архивы? Ведь еще ходят живые палачи — ветераны этих ведомств, принимавшие участие в карательных акциях? Вряд ли покаяние — День Чекиста до сих пор является государственным праздником.

Манипулируя документами, можно очернить или обелить ту или иную сторону. Если на каждые тысячу случаев зверств и грабежей красными приходится два случая грабежей белыми, то достаточно опубликовать даже подлинные документы в пропорции одного к двум, чтобы у читателя сложилось впечатление, что белые грабили больше. Все зависит что, сколько и как преподнести.

У неискущенного читателя первое впечатление, что командование Белых Армий было очень глупым, что белые не воевали, а только и занимались грызней между собой, не могли поделить деньги, должности и совместить политические амбиции. Что чекисты никаких зверств не вытворяли, а лишь „принимали необходимые меры“ в ответ на массовую террористическую и подрывную деятельность белых подпольщиков. Что это именно белые организовали диверсионно-разведывательную работу, вот и была создана ВЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем. В предисловии с особой гордостью описана история зарождения „нашей советской разведки“. Вместо рассказа о зверствах ЧК, о подлых бесчеловечных методах ее работы, скромно написано, что „борьба органов ВЧК с антисоветскими группами и организациями в тот период носила в основном силовой характер, что нередко приводило к перегибам (подчеркнуто мной). Вот так скромно...

Про белых же постоянно читаешь в документах: что мол „дроздовцы-кавалерия, конные пьютницы, грабители, кокаинисты“ (с. 104), что офицеры бездельничают в тылу, что Верховный Главнокомандующий барон Врангель „не изменил прежних ошибок, ...купался в своего рода мании величия...“ С другой стороны подчеркивается как смотрело красное командование на палаческую работу чекистов: дружелюбно, как ясно из телеграммы Троцкого: „Необходимо все внимание сосредоточить на той задаче, для которой создана „тройка“. (с. 217). За такими словами

скрываются факты, когда белых офицеров закапывали живыми в землю, а пьяные чекисты в кожанках ходили и косами рубили головы в целях экономии патронов, вместо обещанной „амнистии“. (В нашем Музее Истории Белого Движения есть награды, найденные в таких „захоронениях“).

Лишь по немногим документам читатель, если проницателен, может догадаться, что же происходило на самом деле. „Из зарегистрированных и задержанных в Феодосии белогвардейцев в количестве приблизительно 1100, расстреляно 1006. Отпущено 15 и отправлено на север 79 человек“. (с. 235). Пропорция говорит сама за себя.

Авторы пишут, что у белых „среди начальства разгул, пьянство и разврат, в то время как солдаты и казаки голодают...“ (с. 328). Даже утверждают, что православная Церковь якобы была на стороне большевиков — „Хочется, — сказал священник — расцеловать коммунистов, наших недавних врагов, за их братское к нам отношение“ (с. 328).

Да, действительно в Белых Армиях, как и в любых других — были случаи и пьянства, и морального разложения тыла, и неправильного руководства. Но подавляющее большинство белых воинов было честным, порядочным, жертвовавшим своей жизнью во благо родины. Почему об этом в этой книге не написано? Почему ни слова о героизме белых, о самопожертвовании, о том за что они боролись?

Сплошная нумерация документов в книге создает иллюзию, что в этих сборниках представлены все документы по этому вопросу. Лишь специалисты могут догадаться, что большая часть документов не опубликована, что сделана лишь выборка нужных документов.

Стало быть налицо тонкая, изощренная, грамотная и аргументированная попытка дискредитации Белого Движения. Что ж, по профессионализму во лжи чекисты опять на высоте. Любую истинную информацию, любые документы из архивов можно преподнести по-разному, в зависимости от „классового подхода“ авторов.

Вот, уважаемые ветераны и наследники Белого и Освободительного движений, решайте кому передавать свои архивы — сынам Красной Армии или Белого Движения? В Архив Октябрьской Революции или в Музей Белого Движения?

Пока же дети некоторых военачальников, например, дочь генерала Деникина, поверив советским госработникам, передала документы в Архив Октябрьской Революции, и я не удивлюсь, если теперь опубликуют данные о Деникине, дискредитирующие его.

Что касается данной серии книг, то авторы не учли одного: их будут читать не рядовые люди, а историки, которые прекрасно понимают, как было на самом деле и знают о фактах, не приведенных в этом сборнике.

Михаил Блинов

БИБЛИОГРАФИЯ

А. О कोरोков. „Затонувшие корабли. Затопленные города“ (Москва, 1996).

Небольшая, — в 118 страниц, — книжка содержит увлекательные (хотя и несколько порою суховатые) рассказы о погибших кораблях разных эпох (в том числе о многих испанских, периода когда нынешняя Латинская Америка составляла часть Испанской Империи), об их обнаружении, подъеме, о сокровищах, какие в них бывали находимы.

Впрочем, и об иных судах, иного рода, представлявших главным образом археологическую ценность мы тоже узнаем немало интересного, — о флоте Кублай-хана, рассеянном налетевшим на него близ берегов Японии тайфуном, о корабле с Кипра, разбившемся около турецкого города Каш 3.400 лет тому назад.

Не обойдены молчанием и катастрофа Непобедимой Армады, как и сравнительно недавнее крушение „Титаника“.

Описано и драматическое землетрясение, разрушившее пиратский город Порт Рояль на Ямайке.

Узнаем мы и о судьбе многочисленных кладоискателей, удачливых и неудачливых: одних ждала смерть, других — богатство.

Словом, сюжеты, близкие к романам Стивенсона, Джэка Лондона и Конрада, и потому привлекающие для всех поклонников разрабатывавшегося ими жанра.

Жаль, что транскрипция иностранных имен и названий оставляет желать много лучшего, особенно испанских, но также и других. Ее бы хорошо исправить, если работа О कोरोкова будет иметь новые издания.

М. Цветаева. „Неизданное. Сводные тетради“ (Москва, 1997). „Бродский о Цветаевой“ (Москва, 1997).

Внешне бессвязный набор дневниковых записей, воспоминаний, писем, черновиков в стихах и в прозе. Читаешь сперва с трудом, потом — с увлечением. Приоткрывается вплоть до интимных деталей драматическая судьба замечательной женщины, судьба с таким страшным концом (тетради обрываются однако в момент перед отъездом в Россию).

Лишний раз убеждаешься сколь нереальный (и потому в конечном счете невинный) характер носили увлечения Цветаевой.

Волконский, который вообще был равнодушен к женщинам, в том числе и к ней; Бахрах — дружба и затем ссора при переписке, и полное разочарование при встрече; Пастернак — серия „невстреч“ (из них наиболее печальная последняя: он отказался ее приютить у себя на даче, и тем подтолкнул к эвакуации... и смерти в Елабуге); Рильке, с которым она никогда в жизни не виделась совсем...

Начинаешь даже сомневаться: было ли у нее что-либо с Родзевичем? Вопреки вроде бы конкретным подробностям свиданий и разговоров. Во всяком случае, он был совершенным ничтожеством, созданием ее воображения.

И, конечно, если бы она разошлась с Эфроном, а не хранила ему верность, лучше было бы для нее (и для нас!). Но, как она упоминает, она не сталкивалась с причинами, руководству которых могла бы подчиниться; напротив — с такими, которые сами ждали от нее руководства. В душе же у нее

жила мечта об ангеле, — не о человеке с ангельским характером, а о подлинном, метафизическом ангеле. Но, если это вообще и возможно, — с нею такого не произошло.

Она отдается материнской любви. И не видит — а со стороны ясно видны, по сделанным ею записям, — черствость души, безразличие к ней и внутреннюю пустоту своего сына, сказывавшуюся с самых малых лет. Сколько Мур был способен на чувства любви и уважения, — они принадлежали отцу. О матери же он убийственно говорил (когда она сказала, что мать бывает одна), что когда она умрет папа мол женится на другой.

Мы наблюдаем ее движение к неизбежной гибели, — но не нашли никого, кто бы сумел ее на этом пути удержать...

Наброски сочинений (в том числе не осуществленных, как поэма об Ахилле) часто очень интересны; там и сям натыкаешься на глубокие, умные и верные мысли, — а иногда и на парадоксальные, с которыми трудно согласиться.

В чем еще состояло ее заблуждение, — это в желании подражать и следовать поэтам, на деле куда менее значительным, чем она сама, — Пастернак, Маяковский. Сомнительно и то, было ли для нее благотворно влияние Рильке, — типичного „поэта для многих“.

Так или иначе, для тех, кто любит Цветаеву, это „неизданное“ представляет большую ценность.

Высказывания о Цветаевой Бродского, — ныне уже покойного кумира любителей модернистской поэзии, — во многих отношениях любопытны: смесь верного и неверного, иногда симпатичного, а порою отталкивающего.

Книжка дает больше, чем обещает название: его отзывы о многих поэтах золотого и серебряного века, а также и о современных.

Цветаеву он категорично считает крупнейшим поэтом XX века, — не только в России, а и во всем мире! С чем все же трудно согласиться, даже и для одной России, где ее современниками являлись Гумилев и Есенин (курьезным образом, она сама первым восхищалась как героем, но, видимо, не как творцом; а ко второму, относилась с пренебрежением).

Приходится признать правильным замечание Бродского: „А эта поголовная аморалка есть именно то, что XX век предложил нам в избытке“. (Он и ценит особо Цветаеву за то, что ей такое положение вещей было неприемлемо).

Выпишем его характеристику Эфрона: „Негодяй Эфрон или ничтожество — не знаю. Скорее, последнее, хотя в прикладном отношении, — конечно, негодяй. Но коли Марина его любила, то не мне его судить“.

Целиком подпишемся под его отзывом о Батюшкове: „Батюшков колоссально недооценен: ни в свое время, ни нынче“.

Наоборот, его полные шипящей злобы фразы о Тютчеве приподнимают завесу надо всем худшим в воззрениях и в душе самого Бродского: за то, что Тютчев был „верноподданным“, он приравнивает того ко сталинским подхалимам! И с ужасом предсказывает, — вероятно, правильно! — грядущие успех и популярность Тютчева в России, именно в его качествах славянофила и патриота. Увы! Несмотря на все испытания, что Нобелевский лауреат перенес со стороны советских властей, он в глубине сердца сохранил немало из заветов Октября.

Владимир Рудинский

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ОТКЛИК НА ГАЗЕТУ

Нам пишут из Нью Йорка:

Выходящий в Джорданвилле журнал "Православная Русь" перепечатал из "Нашей Страны" написанный Н. Л. Казанцевым под заглавием "Последнее целование" некролог скончавшегося в аргентинском городе Барилоче протоиерея Сергия Иванова.

РЕАБИЛИТАЦИЯ ГОРОДОВЫХ

Нам пишут из СПб:

Монумент городскому временно установлен в пешеходной зоне Малой Конюшенной, которая, по замыслу градостроителей, станет когда-нибудь питерским Арбатом. Статуя будет стоять здесь все лето, с тем чтобы граждане в ходе всенародного обсуждения решили, в каком именно месте они хотят видеть ее постоянно. Для этой цели у ног "Городового" лежит книга отзывов.

ОРТЕГА И ФРАНКО

Нам пишут из Мадрида:

Вышедшая здесь новая биография испанского философа Хосе Ортега и Гассет, "Учитель в незавершенном поле" вызвала бурную полемику. Являющийся поклонником Ортеги, автор книги, Грегорио Моран, отнюдь не правых убеждений, доказывает, что, в годы правления Франко, в тот "нейтралитет" известного мыслителя, о котором твердили "республиканцы" могли поверить лишь наивные и плохо осведомленные люди: "Хватило бы сказать, что он регулярно получал свое жалование профессора университета, включая обязательные повышения, и вышел на пенсию в 1953 году, после того как испанский режим признал за ним более 42-х лет государственной службы, что не является фунтом изюма, если принять во внимание, что нога его ни разу не ступала в университет с лета 1936 года".

После переворота 1923 года философ поддерживал целый ряд лет диктатуру Мигеля Примо де Ривера. А в книге Ортеги "Вывих и реставрация Испании" находит вдохновение основатель Испанской Фаланги Хосе Антонио Примо де Ривера.

В ноябре 1930 года Ортега напечатал в газете "Эль Сол" статью заканчивающуюся словами против монахии: "Delenda est Monarchia". Тем не менее уже в октябре 1931-го в газете "Крисол" он недвусмысленно заявляет о своем разочаровании в республике: "Необъятное количество испанцев, способствовавших пришествию республики своими действиями, своими голосами или с тем, что является наиболее эффективным: своей надеждой, теперь твердят

между собой, обескураженные и недовольные: "Это не то, это не то!"

После восстания генерала Франко, Ортега покидает красный Мадрид и ищет убежище во Франции. Вернувшись после конца Второй Мировой войны в Испанию, философ делает 4-го мая 1946 года доклад в мадридском "Атенео" под транспарантом гласящем, "Искусство: христианская цивилизация" и сидя за столом, на котором возвышаются микрофон и бюст Франко.

На этом докладе, передававшемся по государственному радиовещанию и полностью напечатанном в фалангистской газете "Ариба", Ортега вызвал восторг присутствующих следующими словами: "Впервые, после огромных скорбей и несчастий, Испании посчастливилось. Несмотря на некоторые маловажные видимости, несмотря на короткие тучи являющиеся анекдотичными, горизонт Испании очищен. В то время как другие народы пребывают в болезнях, наш, несомненно исполненный недостатков и наихудших привычек, как раз вышел из этого мутного и смятенного этапа нашей эпохи в состояние изумительного, почти неприличного здоровья". В этом месте речь философа была покрыта громовыми аплодисментами.

По просьбе Ортеги, генеральный секретарь Пропанды испанского государства Педро Рокамора на аудиенции у Франко передал ему следующий вопрос философа: "Ваше высокопревосходительство, кто пишет вам ваши речи?" По мнению автора книги совершенно ясно, что Ортега напрашивался на роль "ориентировщика или надсмотрщика будущих и трансцендентных речей Франко относящихся к скорому — как считал философ — переходу Испании к монархическому образу правления".

Франко выслушал генерального секретаря Пропанды, ничего не ответил по существу заданного вопроса, сделал несколько шагов в направлении к двери и обронил: "Рокамора, Рокамора, не доверяйте интеллектуалам".

ЕВРЕИ В РОССИИ

Нам пишут из Москвы:

Наличие огромного разброса в оценках числа евреев, живущих сейчас в России, констатировал президент Федерации Еврейских Организаций и Общин. По словам Михаила Членова, этот разброс составляет от 300-550 тысяч — по данным Израильского Демографического Центра, до не менее чем 12 миллионов, по оценке любавицкого раввина Шнейерсона,

данной им в начале 90-х годов. Сам М. Членов считает, что реальные цифры — 700-800 тысяч человек. В то же время он предположил, что в ходе всероссийской переписи населения, которая, как ожидается, пройдет через два года, о себе как о евреях заявят 500-550 тысяч человек.

По словам вице-президента Российского Еврейского Конгресса Александра Осовцова, — людей, в чьем паспорте в графе национальность указано "еврей" в России около 650 тысяч, а тех, кто "потенциально, при определенных условиях, мог бы сам назвать себя евреем, не менее полутора миллионов".

На просьбу корреспондента Интерфакса сравнить уровень антисемитизма в СССР в 1985 году, когда началась горбачевская "перестройка", и в сегодняшней России, А. Осовцов отметил, что "государственный антисемитизм сейчас находится на самом низком уровне с 1985 года".

В то же время, по его словам, если тогда антисемитизм был правительственным, но скрывался, а его проявления в экстремистских и публичных формах пресекались, то в сегодняшней России он перестал быть правительственным, но стал открытым. "В 1985 году антисемитские газеты на улицах не продавались", отметил А. Осовцов.

По его мнению, за последние три года антисемитские чувства и намерения у людей имеют тенденцию к понижению и это связано с тем, что образ "врага-еврея" замещается образом "врага-кавказца".

АСТАФЬЕВ О ЖУКОВЕ

Нам пишут из Чикаго:

Выходящая здесь русскоязычная газета "Свет" воспроизвела интервью данное писателем-деревенщиком Виктором Астафьевым, который на вопрос: "За что вы Жукова не любите?", ответил: "Нет оснований у меня для любви, поэтому называю его браконьером русского народа. В отличие от кремлевских выкорышек, от не видевших передовой крупных спецов от генштаба я знаю, сколько народа Жуков положил. Он воевал числом, а не умением".

Самым выдающимся полководцем Второй Мировой войны Астафьев считает германского командующего Манштейна. "Это он сумел под Керчью двумя корпусами три наших армии в пролив столкнуть. А Жуков русскими мужиками пол Европы застелил. Говорят, что с нашей стороны в войне погибло 30 миллионов рядовых. А рядовые откуда в основ-

ном? Из деревни. Так и подрубили народ под самый корень. Превратили из великой нации в народонаселение".

По словам писателя, "если бы не войны, не революции, не преобразования и смуты, нас сейчас было бы 600 миллионов, а вместо этого, необозримая земля, в которую можно сунуть оглоблю, и вырастет телега, сегодня лежит словно дикое поле. За это и Жукову спасибо сказать надо. Начиная он на Халхин-Голе с многочисленных жертв и закончил тем, что на Урале погнал солдат через пораженную после ядерного взрыва территорию. Сегодня "ура" кричат, медали отливают, а мне наград с жуковским профилем не надо".

НИКОЛАЙ ИВЛЕВ

Нам пишут из Верного:

Здесь скончался постоянный автор журнала "На рубеже Китая", семиреченский казак, человек глубоких разносторонних знаний и большой культуры Николай Петрович Ивлев. Он был одним из главных дорожников Казахстана, профессионалом, завоевавшим в этой отрасли непрекаемый авторитет.

Редакция журнала отметила однако, что "подлинным, захватывающим душу увлечением для него были история и краеведение. И если как инженер-дорожник он объездил большую часть Советского Союза, то как историк он провел в архивах не менее половины своей жизни, и эти его изыскания тоже были своего рода шурфами, заложенными в глубины прошлого, чтобы иметь возможность оценивать по ним надежность или слабость, основательность или легковесность, подлинность или фальшь настоящего. Потому-то некоторые его высказывания напоминали своей пронизательностью пророчества".

Благодаря этому Н. П. Ивлев "накопил огромное количество сведений о всех сколько-нибудь выдающихся людях прошлого, живших и трудившихся в Верном и других местах Казахстана, о всех более или менее заметных событиях, явлениях культурной жизни, о революционных и послереволюционных временах. Любимейшими объектами его мятежной души были Пушкин, Валиханов, Достоевский. Его архивные выписки составят много томов. Неумоимо выискивал и восстанавливал он многие и многие преданные забвению факты и события прошлых времен".

Журнал отмечает, что последний год жизни он работал над документами о верненском периоде жизни белого генерала Петра Николаевича Краснова. "Ушел от нас еще один скромный и добрый человек, ушел тот, кто мог и умел оживлять прошедшее, кто своим примером учил понимать и уважать историческую память людей и поколений. Почтим же и мы его священными словами, обращенными к Всевышнему: "...и сотвори ему вечную память..."

Редакция "Нашей Страны" сообщает, что в Казахстане скончался казак Семиреченского Войска, верный сын Исторической России

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ИВЛЕВ

и выражает свое искреннее соболезнование сыну покойного, сотруднику нашей газеты, Максиму Николаевичу.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18-9-1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: М. В. Киреев. Редактирует коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Buenos Aires, Argentina. Тел. и факс: (54-1) 544-0530. За содержание подписанных материалов отвечают их авторы, чьи мнения не обязательно выражают взгляды редакции. Рукописи не возвращаются.

При перепечатке ссылка на источник обязательна. Цена 1 номера: Аргентина — 1,00 песо; Германия — 1,80 марок; Франция — 5 франков. США и остальные страны — 1 ам. доллар; Объявления: за 1 см. в 1 колонку — цена 4 экземпляров газеты. Выписывать чеки: Miguel Kireeff, for deposit only. Переводы только на: Citibank, N. A., 6105 Jericho Turnpike, Commack, NY 11725, USA. Account N° 78516453.

©NASHA STRANA—"NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949.917. Editor: M. Kireeff, Monroe 3578, 1430 Buenos Aires, Argentina.

Correo Argentino	Franqueo pagado. Conces. N° 4233
Sucursal 30 (B)	Interes General. Conces. N° 3980